

## Двадцать лет российской трансформации. РЕФОРМАЦИЯ В РОССИИ

Автор: А. Н. ЯКОВЛЕВ

Новая Россия за очень короткое время шагнула в новую эпоху. Подобного сжатия событий история, на мой взгляд, еще не знала. Но пока что российский ковчег еще продолжает плыть по океану смуты, дергается из стороны в сторону, пытаясь на ходу залатать неисчислимые дыры от красных штыков. Почему это происходит? На мой взгляд, верховные жрецы последних лет не знают или не хотят знать, что и как было на тернистом пути к свободе, сколько это стоило сил и нервов тем, кто связал свою жизнь с реформаторством.

\* \* \*

Реформация России - перестройка - это объективно вызревшая в недрах общества попытка излечить безумие диктатуры большевизма, покончить с уголовщиной и безнравственностью власти. К слову сказать, через аналогичные процессы мучительного "самоисправления" проходили все крупные социальные повороты и в других странах. Ни один из них не был и не мог быть свободным от преступного элемента. Когда уголовщину удавалось оттеснить, общественное развитие шло дальше по восходящей. Перестройка 1985 - 1991 гг. взорвала бывшее устройство бытия, пытаясь отбросить не только его уголовно-репрессивное начало, но и все, что его объективно оправдывало и защищало, на нем паразитировало: беспробудный догматизм, хозяйственную систему грабежа и коллективной безответственности, организационные и административные структуры бесправия.

Сегодня, анализируя события того времени, я прежде всего хочу сказать об упущенных возможностях, которые, будучи реализованы, в какой-то мере могли бы помочь в атмосфере охвативших нас тогда романтических ожиданий. Я напоминаю о таких возможностях не в упрек кому-то, а только, чтобы понять просчеты в демократическом строительстве. Ход событий последних лет очевидным образом подтверждает: в любом общественном процессе крупного масштаба, рассчитанном на многие годы, неизбежны какая-то цикличность, спады и взлеты. За приливом реформизма возможен отлив в той или иной форме, что, собственно, и происходит сегодня. Учитывая подобный поворот, демократия была просто обязана готовить себе "второй эшелон". Надо было позаботиться о том, чтобы сделать политический спектр Реформации как можно более широким.

---

*Яковлев Александр Николаевич - академик РАН, Президент международного фонда Демократия (фонд Александра Н. Яковлева).*

Здесь я чувствую и свою вину. Не хватило характера и последовательности, а где-то и политической воли. Не было принято энергичных мер к наращиванию теоретического знания на базе свободы мысли и отрицания схоластики. Теоретическая мысль продолжала вращаться в пределах идей и концепций, высказанных еще в 1960-х гг. Да и далеко не все ученые были готовы к кардинальному повороту в теоретической сфере. К тому же альтернативная мысль еще не имела прочных корней.

Счет нереализованного перестройкой в экономической и социальной областях выглядит внушительно. Слишком часто откладывалось решение тех вопросов, которые необходимо было решать в любом случае: со свободным рынком или без него, в рамках широких реформ или помимо них, в контексте программы преобразований или вне всякой связи с ней. Например, необходимо было провести широкую деbüroкратизацию социально-экономического комплекса, осознать и преодолеть сопротивление глубоко эшелонированной структуры старорежимных интересов.

Лично у меня не было сомнений, что Советский Союз как государственное образование обречен на кардинальное обновление. Вопрос был в том, какой путь развития окажется наиболее вероятным и приемлемым. Наиболее рациональным лично для меня представлялся эволюционный мирный путь образования добровольной конфедерации независимых государств. Но страну захлестнула националистическая жажда власти. Национальные интересы обернулись националистической демагогией. В результате вместо социального мира - войны и конфликты. Сепаратизм способен завести любое общество в тупики конфликтов всех со всеми. Это не путь национальной свободы, а путь раскола и противостояния. Локальный коммунизм на уровне элит вернулся к своему первородству - к локальному национализму агрессивного толка.

Несомненно и то, что не были оценены в полной мере ни степень, ни глубина общественной зашоренности идеологическим фундаментализмом. Лишь для немногих он был интеллектуальной пустышкой, но в политическом отношении - инструкцией для нищих. Однако для значительной части людей он был завязан на вере в лучшую судьбу - свою и детей своих.

По существу, в сфере хозяйствования, отношений собственности, товарно-денежных отношений был необходим кардинальный поворот. Но перестройка не сумела создать систему поддержки и защиты готовых идти ее путем. Государственно-монополистическая милитаризованная система сопротивлялась реформам каждой своей клеткой. Более того, система навязала перестройке административную борьбу с алкоголизмом, с так называемыми нетрудовыми доходами, создала госприемку, ввела государственные производственные объединения, приняла законы о государственном предприятии, произошли несуразные изменения в финансовой сфере. Все это - грубые просчеты.

Почему мы их совершили? Потому, что высшие структуры управления оставались старыми и видели проблемы по-старому. Частичные реформы не в состоянии были изменить природу и характер строя в целом, изменить структуры, созданные для воплощения произвольных социально-экономических схем. И то, что воспринимается сегодня как просчеты (а это так и было), во многом предопределялось внутренней противоречивостью реформаторства, ставившего своей целью изменить к лучшему органически порочное.

**Немыслимая сложность ситуации определяла и ее двусмысленность.** По моему глубокому убеждению, кроме гражданской войны, оставался единственный путь перехватить кризис до наступления его острой, быть может, кровавой стадии - это **путь эволюционного слома тоталитаризма через тоталитарную партию с использованием ее принципов централизма и дисциплины, но в то же время опираясь на ее протестно-реформаторское крыло.** Мне только так виделась историческая возможность вывести Россию из тупика. Парадокс? Выходит, да.

Обстановка диктовала лукавство. Приходилось о чем-то умалчивать, изворачиваться, но добиваться при этом целей, которые в "чистой" борьбе, скорее всего, закончились бы тюрьмой, лагерем, смертью, вечной славой или вечным проклятием. Ко-

нечно, нравственный конфликт здесь очевиден, но, увы, так было. Без этого в России реформы не проходят.

В результате нам, реформаторам перестроечной волны, многое удалось сделать. Свобода слова и творчества, парламентаризм и многопартийность, окончание "холодной войны", изменение религиозной политики, прекращение политических преследований и государственного антисемитизма, реабилитация жертв репрессий, удаление из Конституции шестой статьи - о руководящей роли КПСС - все это свершилось в удивительно короткий срок. Это были сущностные реформы, определившие постепенный переход к новому общественному строю на советском и постсоветском пространстве. И этим надо гордиться! Даже военно-большевистские мятежи в 1991 и 1993 гг. не смогли изменить ход событий.

В этой связи будет к месту сказать несколько слов и о лидере перестройки. Он мог бы, закусив удила, начать действовать и по-петровски, и по-сталински, но избрал единственно верный курс - на демократизацию общественной жизни. Об основных параметрах будущего общества мы с Михаилом Сергеевичем говорили еще до перестройки, но в общем плане. О гражданском обществе и правовом государстве - в полный голос, о социальной политике весьма активно, ибо речь шла о необходимости значительного повышения жизненного уровня и одновременно - о борьбе с уравниловкой, иждивенчеством. О рыночной экономике - осторожно.

Однако у пути реформ "сверху" есть не только преимущества, но и ухабы. Реформы в рамках партийной легитимности получались явно двусмысленными. Оболочка социалистическая, а начинка по своей сути - демократическая. Опоры реформ разъезжались в стороны.

И это - противоречие не только нашего общества. Поэтому до сих пор мы сами больше всего мешаем Реформации, ибо сами во многом остаемся людьми старой системы, старых привычек и представлений. Традиционная российская маниловщина оказалась абсолютно беспомощной при обострении социальной обстановки, не говоря уже о разгуле социальной стихии. Так произошло и с нами, реформаторами, когда мы попытались всерьез запустить механизм реальной законодательной деятельности в области экономики.

Мы жили в тисках противоречия между Сущим и Должным, которое не поняли до сих пор. Как отмечал академик И. Павлов, русский ум не привязан к фактам. Он больше любит слова и ими оперирует. Метания между реальным и виртуальным, между Сущим и Должным продолжают до сих пор. Окаянный российский вопрос - что делать? - столетиями звучит трубным призывом к Должному - сказочному, прекрасному, солнечному - и одновременно служит театральным занавесом или изгородью от Сущего. Пока нам не приходит в голову **спросить самих себя, а чего не надо** делать?

М. Горбачев и Б. Ельцин тоже были в поисках Должного, но система продолжала держать их в цепких лапах. В поисках Должного пребывало и все общество, которое по многим вопросам оказалось не готово к кардинальным переменам.

Нам еще только предстояло понять, что компромисс с большевистским укладом жизни невозможен, более того, противоречит цели преобразований - построению свободного общества. Более того, мы обманывали самих себя, когда говорили, что свобода не только не разрушит социализм, а пойдет ему на пользу, возможно, даже верили в это. Парадоксально, что стратегия, пусть и в густом тумане, но все же просматривалась, а вот тактика оказалась в известной мере никудышной.

Подобная двойственность не была какой-то продуманной игрой, она диктовалась спецификой того времени и тяжелой болезнью сознания. Политическая обстановка изменилась, но больше по намерениям, чем по практическим делам.

По причинам, которые порой трудно выловить в потоке собственных переживаний, связанных с нелегкой задачей перевести свои еще не оформившиеся по ряду проблем взгляды в практическое русло действий, я в качестве железного правила занял следующую позицию: осторожность, осторожность и еще раз осторожность. Но осторожность особого рода - осторожность в отношениях с нашим специфическим социумом,

который готов сначала вознести кого-то до небес, а потом разорвать его на куски. Случалось и обратное: сначала разорвать, а потом вознести.

Иногда меня спрашивают, а не противно ли было притворяться и разыгрывать из себя дурачка? Да, противно. Но, может быть, кто-то знает более эффективный путь с точки зрения конечного результата в условиях деспотии и казенного одномыслия? Утверждаю, не просматривалось такого пути в тех конкретных условиях, если стоять на позициях эволюционных преобразований, а не революционной истерии, постепенно преодолевая диктатуру единомыслия. В то время мы сами еще многого не понимали, а если что-то и понимали, то говорить об этом вслух было просто наказуемой глупостью.

Меня умиляют утверждения нынешних "бесстрашных" политиков и политологов, неописуемых храбрецов, обличающих нерешительность реформаторов волны 1985 г., из-за которых некоторым демократам в 1991 г. досталась тяжелая ноша исправлять ошибки предыдущих лет и творить подлинную историю демократии. Когда некоторые из демократов, считающих себя таковыми по признаку власти, пытаются отбросить в сторону события, происходившие до 1991 г., забыть о таких "несущественных мелочах", как гласность и свобода слова, парламентаризм и окончание "холодной войны", десталинизация и прекращение политических репрессий, которые решительно вошли в жизнь в те самые "нерешительные времена" Реформации, они совершают не только фактическую ошибку, но и нравственную оплошность. Они пытаются как бы удалить из памяти тот факт, что мятеж ГКЧП был направлен именно против политики перестройки, против реформ, а не против новой российской власти, хотя, конечно, ельцинская власть была столь же ненавистна мятежникам, как и горбачевская.

И все же в этой выюге разных противоречивых размышлений у меня постепенно брали верх собственные оценки тех или иных явлений, фактов, были и остаются нравственные критерии таких оценок. Они создавали базу для сравнений, внутренних диалогов, помогали разрушать разного рода стереотипы, воспитывали отвращение к догмам любого вида. В результате я пришел к собственному догмату, имя ему - сомнение. Нет, не отрицание, а именно - сомнение, постепенно раскрепостившее меня. Знаю, что в этом нет ничего нового - ни философски, ни исторически, ни практически. Но все дело в том, что **мое сомнение - это именно мое сомнение.**

**Я** с горечью начал задавать себе трудные, мучительные вопросы. Почему в моей стране массами овладели утопии, почему история не захотела найти альтернативу насилию? Почему столь грубо, цинично растоптаны идеи свободы? Почему оказались общественно приемлемыми уничтожение крестьянства, кровавые репрессии против интеллигенции, экологическое варварство, разрушение материальных и духовных символов прошлого? Почему сформировалась особая каста партийно-государственных управителей? Почему человек столь слаб и беспомощен? И можно ли было избежать всего, что произошло? Почему так легко и бесхозяйственно растрачивается накопленный опыт, разрушается с трудом добытая система координат, обрезаются еще хилые побеги новых ценностей, как радуются "новому курсу" старые и новые противники демократии? Да, надо признать, что курс на "ползучую реставрацию" ложится на удобренную почву. Удобренную главным образом большевистской практикой. Но не только. Ошибками демократов - тоже.

В 1985 г. страна двинулась к свободе. Казалось, только работай, богатей и радуйся. Соберись с духом - и все пойдет как надо. Ан нет. Нам совсем и не надо, как надо. Мы не знаем, как надо. Нам совсем не хочется слезать с баррикад. И снова мятежи, жажда авторитаризма, тяга к революционным скачкам, рождающим авантюризм, а вместе с ним - безродного, бездушного чиновника, захватившего, как и в прошлом большевики с карателями, власть в стране. Почему? Потому, что **Россия находится в состоянии давнего противоборства двух основных тенденций - либерализма и авторитаризма, определяющих на самом деле будущее России.**

К сожалению, российский либерализм в практической политике всегда отличался непоследовательностью. Так было и в XIX, и в начале XX в. Практика политической Реформации 1985 - 1991 гг. получилась многослойной. По своему содержанию она была

и социал-демократической, и либеральной, и нэповско-социалистической. В экономической политике принципы социальной демократии не нашли своего места, и надо честно признаться, мы не сумели справиться с экономическими преобразованиями. Больше того, они были поначалу чисто советскими. В результате социально-экономическая база реформ оказалась дырявой, что и определило затянувшийся период дестабилизации.

Демократы не сумели создать прочную социальную базу, прежде всего в малом бизнесе, среди врачей и учителей, не смогли до конца решить проблему частной собственности. Ничего не было сделано для того, чтобы остановить властный произвол чиновничества. Бесконечные расколы в рядах демократов тоже сыграли свою губительную роль. Демократы в исполнительной власти и в парламенте проморгали или не захотели увидеть процесс перерождения демократии в бюрократическую диктатуру, особенно на местах. Демократические процедуры формально действовали, но все заметнее имитировали политическую жизнь, а сама жизнь поехала по коррупционному пути.

Некоторые либеральные экономические реформы после 1991 г. проводились столь круто, что привели страну на грань общественного шока. Они служили далекой стратегии, но проводились без учета специфики российской жизни. В сущности, была проигнорирована инерция традиционной "левизны" в общественных настроениях.

Правительство (центральное и местное) своей политикой принуждало граждан к обману, воровству и махинациям. Чиновное бумаготворчество умертвляло и продолжает умертвлять живую жизнь. Практически власть начисто забыла о своей главной функции - не мешать людям честно работать. Опасно непродуманной оказалась и политика искусственного сколачивания верхушки сверхбогачей. Она создала взрывную обстановку раскола в стране и значительно расширила возможности возвращения к авторитарным методам правления. Короче, было сделано немало ошибок, в сущности не свойственных либерализму.

Основополагающей из них, не поддающейся разумному объяснению, является **небрежение к образованию и науке, к социальной сфере в целом**. Эта ошибка резко снизила доверие к демократическому управлению, породила "новое нищенство" - теперь уже ученых, учителей, врачей, пенсионеров, равно как и создала благодатное поле для социальной демагогии. И не только для демагогии, но и для справедливого возмущения. Образование и наука - основа цивилизации. непонимание этой простой истины - большой грех и чудовищный удар по качеству жизни, которое является основой основ социального либерализма.

И при Горбачеве, и при Ельцине **проблемы собственности**, а значит, и эффективно работающего рыночного механизма оказались до конца не решенными, что и держит Россию в полосе нестабильности. Нормальные экономические отношения могут быть построены только с появлением массового собственника. Пока же продолжаются псевдоотношения, экономически фиктивные, на деле должностные. Государство, попирая законы или своевольно толкуя их, продолжает вмешиваться в дела частного бизнеса, сохраняя тем самым архаические советские нормы и порядки. Ответ на подобное - воровство, коррупция, всякого рода аферы и махинации - вполне логичен.

Давно убежден, что многие беды в России идут от нерешенного **земельного вопроса**. Я всегда считал его роковой проблемой. В России настолько устали ждать коренных земельных перемен, что нынешний закон, принятый по этому поводу, игнорируется. На самом деле он заслуживает высоких оценок. Речь идет о коренных изменениях в общественном укладе России. Но пока нельзя исключать, что сталинокрапия похоронит и эту реформу или извратит ее.

Одно из стратегических направлений развития России, к которому правительство остается глухим, - **развитие малых городов России и малого бизнеса** на основе новых технологий информационной эпохи. Малые города могли бы стать и опорой фермерских хозяйств, сельскохозяйственных фирм, перерабатывающей промышленности. Мегаполисы обречены на умирание. Кризис урбанизации очевиден, а мы пока все ре-

сурсы бросаем на развитие крупных городов. Люди все больше понимают, что их собственное спасение - в малых городах и поселках, связанных с малым бизнесом и сельским хозяйством. Уже сегодня необходима разработка принципиальных основ нового жизнепорядка, связанного с малыми и средними поселениями. Глобализация мировых процессов и интернетизация жизни обеспечат равный доступ к культуре, равно как и к информации о всех сторонах и сферах жизнеобеспечения. А это, в свою очередь, укрепит практику местного самоуправления, основанного на понятных законах гражданского общества. Там же, в малых городах, основной источник и социальной стабильности, и благосостояния людей, их инициативы.

**Грандиозен вопрос, связанный с Сибирью и Дальним Востоком.** Кажется, почти все поняли, что судьба России - в этих краях. Надо двигаться туда, пока не поздно. Может быть, пригласить на пустующие земли беженцев, вынужденных переселенцев в качестве фермеров, отдав им бесплатно землю и предоставив долгосрочные кредиты на обустройство. Как это было при П. Столыпине. Проблема не только экономическая, но и политическая, а скорее - стратегическая.

Не удалось демократам создать честную и ответственную **законодательную власть**. Особенно огорчительно превращение ее в чисто лоббистские организации на всех уровнях. В свое время, еще в начале перестройки, я упорно выступал за учреждение многопартийного парламента, видя в этом спасение от многих бед. Мне казалось, что свободные и альтернативные выборы приведут в законодательную власть людей честных, умных, совестливых и компетентных. Исчезнет атмосфера страха и двуличия. И снова розовые сны. В думы - центральную и местные - полез демагог, которому интересы дела и не снились. Демагогическое воронье взлетело еще в советские времена, когда проходили съезды народных депутатов. Но мало кто воспринимал подобное всерьез. Подшучивали, посмеивались. И не думали, что демагогия станет основным способом борьбы за власть.

До сих пор продолжаю терзать себя вопросом: неужели ты сам, отстаивая свободу выбора при формировании власти, махнув при этом на собственную карьеру, на свое здоровье и спокойствие семьи, на материальное положение, не мог сообразить, кто полезет во власть, причем действовать будет по правилам, уже давно отработанным в уголовном мире? Нет, к сожалению, не смог, хотя и можно было понять, что после десятилетий измывательств над народом, уничтожения в генофонде наиболее здоровых начал ослабевшие позиции здравого смысла займут в значительном числе демагоги, психически деформированные люди, селекционированные революциями, классовой борьбой, репрессиями, государственной идеологией нетерпимости, а главное - своей жадностью и завистью.

Непростительный просчет демократов - взрыв **коррупции**, прежде всего в исполнительной власти. Меняются общественные уклады, приходят и уходят с политической сцены президенты, правительства и министры. Но остается власть, олицетворяемая чиновником, для которого она - суть жизни, психологии, благоденствия. Он ненасытен на взяточное прокормление, на вечный поиск того, что плохо лежит, на барственность и авторитарность на подвластной территории или на отраслевом участке этой территории. Пользуясь обстановкой, чиновник приватизировал государство, он - мощная сила большевизма в его сущностном проявлении, обеспечивающая политическую и экономическую стагнацию. Презирая законы, он взял всю полноту власти в свои руки, правит бессовестно и бездарно, достаточно успешно подгрызая оставшиеся корешки сохнувшего деревца, называемого свободой. Чиновнику нужны совсем другие свободы - свобода воровать, свобода унижать людей, свобода от всякой ответственности. Чиновничество - наша погибель, оно бесконтрольно, чванливо, прожорливо, постоянно наращивает моральный и экономический террор. Права человека для него - пустой звук. Чиновничество возвращается к своей ведущей функции советского периода - лжи. Прямое наследие традиций деспотии.

Социальный взрыв может стать неизбежным, если диктатуру бюрократии, ее практику беззакония и причины, его порождающие, не пресечь неотложными кардиналь-

ными мерами. Сюда я отношу решение проблемы собственности, резкое сокращение функций государственной власти, сокращение минимум наполовину чиновничества и ликвидацию созданных чиновничеством посреднических организаций, которые жиреют на взвинчивании цен, упрощение неопишемого бумажного водоворота, служащего только вымогательству. Надо срочно ввести реальную ответственность за бюрократизм. Установить штраф за каждую минуту сверх пяти бессмысленного стояния в очереди за справкой, выдуманной чиновником. Пусть чиновник идет к человеку, а не человек к чиновнику. Если мы претендуем на звание демократического государства, значит, надо избавить человека от унижительного положения перед чиновником. Вот тогда и будет расти доверие к власти.

В России путь реформ никогда не был в почете. Нам подавай бунт, революцию. Реформа же - дело нудное, неблагодарное. И стоит ли удивляться, что прошлое продолжает терроризировать нашу жизнь сегодня. Россия пережила более десятка разных перестроек и попыток реформ, но все они кончались кровью и новым мракобесием. И сегодня приходится вести борьбу, по крайней мере, на три фронта - с наследием тоталитаризма, с нынешней диктатурой чиновничества и с собственным раболепием.

Начало XXI в. в России связано с именем президента В. Путина. Суждений много. Разных и противоречивых. Одни считают, что он не справляется со своим высоким долгом, что все его обещания повисли в воздухе. Другие восторгаются, надеясь, что он наведет порядок, который каждый понимает по-своему. Третьи утверждают, что он "кот в мешке". Последнее, пожалуй, ближе к истине. Все политики - "коты в мешке". Во всех странах каждое новое поколение политиков поет собственные песни власти - о свободе и рабстве, демократии и авторитаризме, о прошлом и будущем. Новое поколение политиков в России имеет возможность подняться на ступеньку выше в оценке сложившейся ситуации и перспектив развития страны. Но только возможность, которая пока что не затронута чем-то новым и вдохновляющим. Более того, обозначились явно разочаровывающие действия.

Президент сделал немало заявлений о необходимости продолжения реформ и развития гражданского общества, о важности экономической свободы, первоочередности социальных программ, низких налогах, дебиюкратизации экономики, развитии малого и среднего бизнеса, борьбе с произволом чиновничества, реформировании армии, независимых судах, незыблемости прав человека, защите частной собственности. Все это наполнено **социальным либерализмом**.

Активное и профессиональное проведение названных реформ могло бы стать хорошей основой процесса возрождения страны. И снова - старые-престарые грабли, столь любимые российскими политиками. Власть продолжает называть себя демократической, хотя ползет к советской. Страна нервничает, пьет беспробудно, как бы торопится допить последнюю бутылку до погружения во тьму.

Снова повылезали из кустов "громкоговорители", вдохновенно вещающие "об успехах во всех областях" и "мудрости правителей". Холодно как-то стало и боязно, тревожный колокольчик позванивает в затылке. Активизируются фашисты, не скрывая своих намерений по уничтожению свободы и демократии. В целях мобилизации охлократии разные фашиствующие группы рядятся, как и большевики, в одежды патриотов, нещадно спекулируя на этом естественном человеческом чувстве патриотизма.

Выборы 7 декабря 2003 г. закончились существенным поражением демократии. Парламент стал одноногим. Альтернативность исчезла, а вместе с ней и реальный парламентаризм, поскольку демократии без оппозиции не бывает. Без оппозиции не в состоянии вырасти и новые лидеры с новыми идеями, если, конечно, смена власти останется демократической. Правящая партия чиновников празднует победу. Радуются и национал-социалисты. Значит, снова придет "светлое прошлое". История забавляется фарсами. Самое опасное в складывающейся обстановке в том, что дирижерская палочка, управляющая реставрационными конвульсиями, находится в верхах власти.

Мне порой кажется, что президент Путин под тяжелым грузом ответственности, который свалился на его не очень могучие политические плечи, страдает недооценкой

глубины последствий тех преступлений, которые совершены большевистским фашизмом. Не хочется верить в заранее обдуманый план. Но бросается в глаза жесткая последовательность. Гимн, однопартийная система, послушный парламент, примат государственности над человеком, вождизм, сращивание государственных структур с бизнесом, особенно с криминальным, приручение средств массовой информации, возвращение к государственной историографии, то есть приспособление истории к интересам власти, отсутствие подлинно независимых судов, расширение сферы деятельности и влияния на политику специальных служб - все это тревожные сигналы.

Что еще меня реально тревожит? Как и при всех прошлых правителях, вновь загрохотали подхалимствующие барабаны. Сочиняют пошлые книжки о Путине, льют чугунные и медные изваяния, называют именем Путина улицы... А какова цель восстановления на здании ФСБ барельефа Ю. Андропова, установка ему памятника, поток воспевающих его мудрость статей и передач?... Того самого Андропова, который активнейшим образом участвовал в подавлении народного восстания в Венгрии, "пражской весны". Того самого деятеля, который отправлял инакомыслящих в психушки, лагеря, тюрьмы. Если подобные шаги по воспитанию гордости за свою страну носят политический характер, то они грозят не только заморозками, но и обледенением.

Номенклатурная челядь, будучи еще советской по характеру, полагает, что восторги толпы по поводу некоторых действий властей - это и есть поддержка линии на установление "порядка". Давно же известно, что восторги у нас легко переходят в улюлюканье. Я верю, что удушить полностью демократию чиновничий класс пока не в силах, а вот использовать обстановку в целях ползучей реставрации - в состоянии. Мелкими шажочками все ближе продвигается он к заветной цели - снова превратить человека в пугливого зайца, но зато живущего якобы в великой державе нескончаемого успеха, пронизанной всеобщим патриотизмом за прошлое, настоящее и будущее.

И все же складывающаяся ситуация кажется мне достаточно противоречивой. Мне не хочется верить, что Путин лично задумал нечто такое, чтобы двинуть страну вспять. Уж очень опасная это игра, в том числе и для президента. В то же время ему можно и посочувствовать. Если бы, скажем, существовал какой-то измеритель, способный показать, кто самый несчастный человек в России, в опасной мере окруженный новой политической элитой с вылущенной совестью и беспредельной жадью наживы, то наверняка такой прибор вычислил бы фамилию Путина. То, что свалилось на него, вообразить рассудком невозможно. Бурный поток скопившейся грязи может унести в пропасть и более искушенных в политической трясине и византийстве, чем Путин.

Можно предположить, что именно в испуге перед умопомрачительными свалками и завалами советской истории ему или кому-то другому и пришла мысль, показавшаяся спасительной. Она предположительно состоит в следующем. Экономические реформы остановить нельзя, но поскольку приватизация проходила хаотически, а порой и хищнически, то надо навести тут некий "порядок". Причем "порядок" не через демократические законы, а через силовые структуры, которые, как известно, авторитарны по определению. К тому же других союзников в борьбе с финансово-экономическим кризисом и массовой коррупцией как бы не обнаружилось. И пришло знакомое до судорог простое решение: **экономика либеральная, политика авторитарная.**

На мой взгляд, это ошибочная концепция. Без свободы слова, без оппозиции, без массовой инициативы в экономике, без гражданского общества мы еще больше усилим примат государства над человеком, то есть вернемся к тупиковому варианту развития. Конечно же, и сталинокрратия, и головокружение демократов, и близорукость олигархов, и безответственность местных князей - все это внесло свою лепту в пугающую реставрацию общества при радостных восклицаниях политиканствующих большевиков и национал-социалистов. Но авторитаризм может быть успешным только временно, губителен же он стратегически, поскольку от рождения отравлен бактериями разложения.

Но почему же, все-таки, выбор сделан в пользу авторитаризма? Повторяю, он вырос как результат извечной борьбы между либерализмом и авторитаризмом. Авторитаризмом Россия болеет уже сотни лет. У нас меньше бояться войн, террора или голо-



да, чем свободы, потому как мы не знаем, что это такое. Авторитаризм нам до боли и крови знаком. Но все же, коль скоро он снова подобран на кладбище России, стоит сказать о его опасности поподробнее.

В силу многолетних традиций авторитарность в нашей стране перенасыщена психологией нетерпимости и догматизмом, не приемлющими перемен. Отсюда и тоска по Ленину, Сталину, Андропову, и возврат к старому гимну, и новая цензура, и активность лстецов, и предложение восстановить памятник Дзержинскому, и обманчивые надежды на военных, способных якобы "навести порядок". Видимо, у новой правящей элиты явно не хватает времени заглянуть в реальную историю страны.

В России до сей поры господствуют феодально-социалистическое мышление, феодально-социалистическое поведение, феодально-социалистические привычки. Вечен поиск "пятого угла", который, кстати, всегда отыскивается. Разве нормальные люди могут пять раз менять название своей страны, столько же раз гимн?

Многие любят сегодня поговорить о державности. Но державность всегда работала на шовинизм, на некий государственный патриотизм спекулятивного характера. С державностью связывают также и лозунг о сильном государстве, но никто не берется внятно объяснить, что это такое, для чего и кому оно нужно. Если оно будет сильным своей свободой и богатством, то я, например, за "сверхсильное государство", какими, например, являются Швеция, Австрия, Дания, Бельгия и многие другие. Но если это государство сильно произволом государственного чиновничества и числом ракет, я - против. Известно, что сталинское государство считалось сильным, но обанкротилось вчистую, ибо обрело людей на нищенство, а страну - на отсталость.

Зададимся вопросом, какими же механизмами сознания и социальной практики ковалась в прошлом устойчивость авторитарной тенденции? Прежде всего паразитированием на тезисе об идеальной грядущей жизни. Если эту мечту постоянно сопрягать с мерзостью бытия, то складывается особый тип сознания. В основе его - люмпенская психология, падкая на утопии. Да и сознание обездоленных людей легко поддается очарованию розовых снов. В самом деле, как жить человеку, который нищ, невежествен, беззащитен, бессилен? Впереди ничего нет, кроме борьбы за каждодневное существование, и детей его ждет та же участь.

Судя по всему, мир не скоро избавится от социальных утопий, если это вообще когда-нибудь произойдет. Их питательная почва - практическая и духовная - остается. Вероятно, сохранится и когнитивная почва: утопия играет роль социальной макрогипотезы и тем самым несет свою ношу в процессе познания. Но страшно не утопии сами по себе, а попытки втиснуть их в практику социального устройства. Конечно, человек вправе делать свой выбор, в том числе и тот, бессмысленность которого очевидна. Равно как и общество имеет право на заблуждения, но только в случае, когда это его выбор, а не нечто навязанное - или силой оружия, или через манипулирование массами. Утопическое сознание в России и сегодня весьма влиятельно. Снова актуальна проблема его бунта против рационализма. В известной мере он продемонстрирован итогами парламентских выборов в декабре 2003 г.

Политико-психологический феномен сначала самодержавия, а затем большевизма нельзя осмыслить, не упомянув еще о некоторых особенностях авторитаризма, органично вытекающих из утопической концепции. В том числе неспособность разобраться в подлинном смысле событий, их действительных причинах; доминанта радикального хирургического вмешательства в общественное развитие при острейшем дефиците социального знания и особенно практического инструментария созидания; борьба с видимым и с тем, что кажется таковым, при полном или почти полном невежестве относительно всего или почти всего невидимого, внутреннего, содержательного; слабое понимание механизма веры, которая уже привела нас в никуда.

Понятно, что надежда, питаемая верой, удалена на неопределенное расстояние во времени. Райские кущи, равно как и чистилище, не имеют координат во времени и пространстве. Идеал коммунистического общества тоже никогда не располагал четкими временными (и качественными) параметрами, которые позволяли бы хоть как-

то определить, когда же и при каких условиях такое общество будет построено. Но именно отстраненная во времени спроецированность миропонимания на безоблачное будущее и делает благородную цель не просто привлекательной, но и великой.

Вообще заблуждения всякого рода - не просто ошибки, через которые продираются цивилизация, культура. И не только способ познания. Но, видимо, - постоянный спутник развития цивилизации, ее духовной сферы, исторически неизбежная часть прогресса сознания - и по содержанию, и по механизмам проявлений. Великая цель, отстраненная от реальностей, легко расставляет нравственные ловушки человеку и обществу. Она порождает иллюзию, будто ради достижения задуманного возможны и допустимы любые средства. Открывается обширнейшее поле для спекулятивной политики. Подобная идеология и становилась практикой всех насильственных революций.

Беда в том, что если авторитаризм порождается напряженностью условий существования, то, появившись на свет, он уже сам оказывается заинтересованным в консервации этих условий, дабы сохранить свое господство. Постепенно в обществе складывается и авторитарная форма сознания, склонность к простым решениям, стремление переложить ответственность на других, особенно на власть, тяга к легкодоступной вере, а не к знаниям, потребность подчинения. В эту ловушку попадали все, кто оказывался в плену искусственных надежд. Когда человек из иллюзий строит жизнь, он творит чудовище. Властям России не следовало бы забывать, что мы еще во многом остаемся рабами утопий.

В российской действительности догматизм как идеологическая основа тоталитаризма и авторитаризма веками культивировался в качестве нормы мышления и идеала одновременно. Культивировался не только властями и церковью, что понятно, но и светской, и клерикальной оппозицией, ересью, а в позднейшее время во многом и интеллигенцией. Пожалуй, никто не подпадал под влияние авторитарных идей с такой субъективной готовностью, как интеллигенция.

Авторитарное сознание - болезнь опасная. Не настиг бы нас снова страх, который держал общество в своих когтях многие годы. Мы, русскоазиаты, привыкли радоваться бесконечному великодушию власти: не посадили в тюрьму - радуемся, не выгнали из квартиры - бьем поклоны, выдали заработанные тобой же деньги - снова восторгаемся, не избili в милиции - восхищаемся. Приказали снова петь гимн сталинского государства, опять же радуемся - все же, хотя бы по форме, не похоронный марш. Впрочем, по своим истоками - похоронный. Быстро привыкаем к унижениям человеческого достоинства и нарушениям прав личности, привыкаем к хамскому поведению чиновников. И радуемся, что не тебя, а других оскорбили.

Такова психологическая инерция затянувшегося духовного рабства. Подобная психология - питательная почва для продолжения гражданской войны, порожденной контрреволюцией 1917 г. Хотя на рубеже веков она обрела другие формы - бюрократического произвола, компроматного доносительства, грабежа народа чиновничеством, роста фашистского экстремизма.

Сегодня локомотивом авторитарной тенденции является номенклатурно-чиновничий класс, заменивший КПСС. **Номенклатура, вышедшая в основном из рядов социалистической реакции, упорно стремится к "легитимному авторитаризму"**. Она удобно пристроилась к демократическим процедурам. Является вдохновителем постоянного реакционного наката на завоеванные свободы. Как я уже писал, властной номенклатуре свобода человека и гражданское общество враждебны по определению. Во всем мире так, но в странах развитых демократий законы укоренились в такой мере, что бюрократический аппарат вынужден считаться с ними. У нас в законах тьма лазеек для творящих беззакония. Обратите внимание: почти все вновь принимаемые законы как бы нанизаны на чиновника, без него - ни шагу. Конституция постепенно перестает быть высшим законом прямого действия, ими становятся инструкции ведомств.

Планомерную и целенаправленную работу ведет чиновничество против независимости **средств массовой информации**. В свое время мне лично, причем задолго до перестройки, стало ясно, что самым эффективным лекарством против общественных

деформаций может быть свобода слова, с чего и начала свой путь Реформация. В серебряные годы перестройки демократическая печать начала дышать животворящим воздухом свободы, активно расчищала выгребные ямы прежнего режима. Прекрасное время, смелые и честные журналисты, результаты исторической ценности.

Многое сломалось, когда пришел дикий рынок. Журналистика попала в условия, когда ею снова помыкают, а мастеров пера и слова покупают. Появились журналисты, готовые перестраиваться хоть каждый день. Они приобщились к практике компроматов - доносов, заказных статей и передач. Добро и Зло, Правда и Ложь, Свобода и Бесправие стали, как и при большевиках, предельно диалектичными. Они легко переходят из одного в другое. Очень неловко смотреть на прижатые хвосты некоторых бывших демократов, в свое время размахивавших томагавками над головами тех, кто казался им недостаточно радикальным. Предав сегодня великое дело свободы слова, они же потом начнут громко стенать, изображая вселенское горе, которое сами же сотворили. Но плаксивое нытье по поводу угасающей свободы слова - всего лишь повизгивание угасающей совести.

Пишу обо всем этом, а у самого сердце болит, поскольку считаю гласность и своим детищем. И потому наблюдать откровенный цинизм и беспамятность некоторых элитных представителей журналистики выше моих сил. Конечно же, далеко не всех. Со многими редакторами и серьезными журналистами из демократического лагеря я продолжаю дружить. Понимая свою ответственность перед судьбой России, они мужественно продолжают отстаивать свободу слова и сегодня.

Трудно сказать, понимают ли нынешние правители, что свободное и правдивое слово - отец успеха, что без современных демократических средств массовой информации гражданского общества не создать. Исчезни они хотя бы на пару месяцев, как тут же чиновная армада еще быстрее поплывет в авторитарную сторону. Пока что оставшиеся независимые средства массовой информации - практически единственный действенный институт гражданского общества.

Не устает чиновничество и бороться с основным принципом демократии: **открытостью общества, прозрачностью в деятельности государства и исправно действующей обратной связью.** Но пока у нас правят люди, а не законы, этим принципам не суждено стать образом общественной жизни, неотъемлемой частью свободы человека.

\* \* \*

Реформация не дала ответов на многие вопросы, предельно остро вставшие перед страной. Возможно, не смогла, а возможно, и не успела. Во многих случаях она лишь подошла к ним, причем настолько открыто и честно, насколько реформаторам хватило ума и мужества. Не буду спорить, время откровений и точных оценок еще не пришло. Улягутся страсти, закончится всероссийская ярмарка тщеславий, ослабнет мутный поток всякого рода большевизма-фашизма, тогда белое станет белым, черное - черным, тогда все цвета радуги станут естественными. Пока для меня ясно одно - на вызов истории наша страна в принципиальном плане дала правильный ответ.

Вот уже 20 лет Реформация бьется лбом о видимые и невидимые стены, ее держит в своих объятиях замешательство, она мечется в поисках дороги к свободе и процветанию. Бежим к свету, а попадаем в темноту. В чем же дело?

На мой взгляд, без решительной дебольшевизации всех сторон российской жизни эффективные демократические реформы невозможны, а формирование гражданского общества обречено на мучительные передраги. Утверждал, утверждаю и буду утверждать: **пора нам перевернуть парадигму власти. Не "Государство-Общество-Человек", а "Человек-Общество-Государство"**. Вот тогда все и встанет на свои места, восторжествует подлинная справедливость.

© А. Яковлев, 2005